

Краткое предисловие

Олега Поздеева

Дорофея (Дарья) Аркадьевна Смирнова, сама себя называвшая простой русской женщиной, круглый год одиноко, подобно монахине или, точнее, пустынножительнице изначального христианства, жила на своей даче, зарабатывала на жизнь изготовлением игрушек и умерла от внезапно развившейся болезни сердца в тридцать один год. В течение всей своей короткой жизни она настойчиво отказывалась от титулов вроде «гуру», «духовный наставник», «старица» и им подобных; даже «матушка Дорофея» вызывало у неё улыбку.

И между тем, конечно, она *была* настоящим духовным наставником — и моим, и тех людей, которым посчастливилось именно в этой удивительной женщине разглядеть источник живой воды. Об этом я уже рассказал в романе «Евангелие Маленького принца».

Читатели моего первого романа знают, что личные вещи покойной согласно её устной воле были распределены между её учениками. Юлии У. достался личный дневник, который его хозяйка вела в своём выпускном классе.

Совсем недавно Юлия связалась со мной и сообщила, что Дарья Аркадьевна — напомню, после её смерти прошло уже три года, — наконец дала разрешение на публикацию дневника.

Это «разрешение», якобы полученное с того света, — конечно, всего лишь способ теперешней владелицы рукописи (ведь что такое любой дневник, как не рукопись?) сказать, что она не против её публикации. Хотя... В конце концов, сама автор дневника при жизни доказала, что невозможного в духовном мире для неё почти не существует. Но для читателя, который с Дарьей Аркадьевной не был знаком лично, последнее утверждение покажется очень натянутым, а поэтому оставим его за скобками. Безусловно, у Юлии были

свои собственные причины придумать благочестивую легенду.

Есть множество соображений как против, так и в пользу публикации этого замечательного документа, и последние соображения для нас, учеников Дорофеи Аркадьевны, перевешивают первые. Как минимум оттого имеет смысл опубликовать «Дневник», что им окончательно разрешаются в благоприятную сторону сомнения о характере дружбы между нашим учителем и её собственным наставником, высказанные Ольгой Николаевной Смирновой, двоюродной сестрой покойной. (Боюсь, для Ольги Николаевны даже это не будет доказательством: она сможет при желании прочитать иные страницы так, как ей захочется, или вовсе заподозрит нас в том, что этот дневник мы сочинили сами.)

Наверное, я должен сказать о том, что рукопись прошла редакторскую правку (в первую очередь — рукой Каролины: именно она занималась расшифровкой почерка). Эта правка в основном касалась пунктуации (в самом дневнике очень скудной) и, в нескольких местах, орфографии. Также мы восстановили все английские фразы, которые Дарья Аркадьевна записывала порой не вполне точно, и добавили необходимые, как нам показалось, примечания. Стилистической правкой тоже ведала Каролина: степени серьёзности этой правки не знаю, но верю, что она выполнялась деликатно. Разумеется, мы по-своему расставили абзацные отступы и разделили текст на части, снабдив их нашими заголовками.

Искренне надеюсь на то, что роман найдёт своих пусть и немногих, но верных читателей. Мы озаглавили его «Когда учителю было семнадцать». Мы, ученики Дорофеи Аркадьевны, думается, и не могли его назвать никак иначе.

О. В. Поздеев
июль 2026 года

Часть первая *В гимназии*

30 января 2009 года, пятница

По случаю моих семнадцати лет я получила сегодня три подарка. Один — от Оли, моей двоюродной сестры: «Изречения египетских отцов». Издание новое, но книга очень старая, написана в третьем веке. Другой — от Сони: «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Третий — от Ксюши Пастуховой: вот этот самый «Личный дневник», в котором сейчас пишу. Не будь этого третьего подарка, я бы и думать не стала про все эти словесные художества.

С Ксюшей мы вообще-то не дружим, но она богатая, ей ничего не стоит разориться на такую стильную штучку, ещё и с замком. Замочек лишний, наверное: кому только придёт в голову покушаться прочесть, кому могут быть интересны писания православной одиннадцатиклассницы...

Но использовать его я буду.

И он соблазняет: ему, такому крошечному, но с настоящим ключом, веришь; веришь, что можешь написать в этой тетрадке всё что угодно, даже самое тайное, даже самое бесстыдное...

Бесстыдного мне, конечно, писать не хочется: я не какая-нибудь Наташа Яковлева. (Вот, осудила ближнего — сразу, однако, и бесстыдное появилось.) Я не она. Но в семнадцать лет пора бы уже начать отвечать на этот вопрос, на который люди всю жизнь отвечают, да так и не получается у них.

Кто я такая?

Я — Дорофея Аркадьевна Смирнова, 1992 года рождения, несовершеннолетняя, пол — женский, ученица Православной женской гимназии «с проживанием» (ну то есть со спальнями на третьем этаже). Я сирота: мама ушла рано; папа, настоятель храма Святой Троицы в селе Троицкое, — год назад. Это до сих пор больно, но это было и облегчение: он тяжело болел последние два года жизни. (Я пишу, что думаю — и говорю тоже обычно то, что думаю: я

как будто не замечена в грубости, но я «пугающе прямая», как сказала мне Оля.) Будущее моё примерно понятно: жена семинариста, потом матушка. Если честно, я мало об этом будущем беспокоюсь (а надо бы!). Если заполнять анкету или писать о себе «художественную прозу», то убей Бог, не знаю, что бы ещё я о себе могла сказать. Я совершенно заурядная, я «серая мышь», как обмолвилась обо мне та же самая Ксюша Пастухова (за глаза, а я подслушала). Ксюше, конечно, было приятно облагодетельствовать серую мышку. Слово «облагодетельствовать» я написала со словарём: мои успехи в учёбе очень средние, и это не «паче гордости», это правда. При этом сама про себя я верю, что я умна, умнее многих (только вот показать этого не могу). И это тоже не гордыня, это именно вера, как вера в то, что есть и жив Господь наш Иисус Христос от века до века. Просто мой ум — не про школьную премудрость, не про интегралы, не про логарифмы. Вот, даже не знаю, про что он и есть ли вообще, ведь верить ещё не значит знать...

Писать о себе очень трудно, примерно как идти через густые заросли колючих кустов. Сгораешь со стыда. Но продолжу.

Все эти случайные, пустые вещи, написанные выше, ничего обо мне не говорят, они от меня, настоящей меня, исчерпывают одну десятую, нет, одну сотую, тысячную. Подозреваю, что так с любым человеком. Нет, не с любым: многие люди слишком уж нравятся себе, поэтому живут почти полностью *внешним* собой. Даже в нашем классе есть такие — и среди учителей тоже есть.

Я внешней собой жить не могу, не оттого, что грех, — куда мне рассуждать о грехе! — а оттого, что скучно, бесконечно скучно, сводит челюсти от скуки.

Всю жизнь, едва не с самого детства, я чувствовала — сейчас начнутся большие слова, буду писать их наобум, не заботясь, — чувствовала присутствие жизни как великой тайны. Как это невнятно, как хочется зачеркнуть! Оставляю: других слов у меня нет. Кто я, чтобы говорить о великой тайне? Но всем позволено о ней говорить, и не чувствовать её значит перестать быть... хотела написать «быть человеком», но это неточно. Перестать чувствовать великую

таинственность жизни означает перестать быть в лоне Бога. Никогда я, ни одной минуты, не сомневалась в том, что Бог есть. И одновременно как-то я рано поняла, что Он вовсе не обязан быть таким, каким мы Его себе воображаем. Могу даже точно сказать, когда именно мне пришло это понимание: в восемь лет.

Смешно, правда? Лучше бы в мальчика влюбилась...

Уже несколько страниц исписаны, и, если я так и дальше продолжу терзать бумагу своими бесполезными мыслями, мне этого дневника и на полгода не хватит. Буду на сегодня заканчивать и вернусь, когда будет новое. Надо жить жизнью, а не бесконечно копаться в себе, и жизнь сама приведёт куда нужно. Главное — не бояться идти, не бояться ни одной секунды.

А хорошо, что есть замочек! Было бы ужасно стыдно, если бы кто прочитал...

* * * * *

5 февраля 2009 года, четверг

За почти неделю ничего не случилось. У нас вообще мало что случается. Должно небо упасть на землю, чтобы в нашей Православной гимназии что-то приключилось.

Одноклассники сплетничают друг о дружке: кого-то, мол, с кем-то видели под ручку, то ли с курсантом военного училища, то ли со взрослым мужчиной... Противно, и считаю ниже своего достоинства записывать, даже запоминать. Да ещё ходит по рукам петиция: разрешить девочкам по пятницам приходить в *личной* одежде. Я подписала тоже, но мне всё равно. Наши серые форменные платица с белой косынкой меня полностью устраивают. Своей красивой одежды у меня всё равно нет, и никогда не было, сколько себя помню. Расту с отцом до шестнадцати лет — это расти такой... наполовину пареньком, что ли. (И слава Богу!)

Я дурнушка, кроме того: сколько ни хорошишься, толку не будет. То есть не то чтобы совсем дурнушка — на вкус и цвет товарища нет, — а так... Вот если бы миру сияла *внутренняя* красота! А кто же мне сказал, что во мне